

**ЧАРЛЬЗ ТЕЙЛОР О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ —
УРОКИ ДЛЯ РОССИИ**

Родоначальником концепции гражданского общества считается Аристотель. В разработанной им концепции гражданское общество понимается как определённое состояние общества в целом. Для такого общества были характерны: частная собственность, гражданские права, закреплённые в этических и юридических нормах, личная активность граждан, получившая своё выражение в демократическом способе принятия основных решений и свободе слова, а также направленная на защиту своей собственности и свободы, с одной стороны, и общественной (государственной) целостности с другой.

Затем понятие «гражданское общество» вновь появляется почти через две тысячи лет в фундаментальном труде Гуго Гроция (1583–1645) «О праве войны и мира». Здесь впервые намечается некоторое различие между государством и гражданским обществом, но оно обозначается автором лишь с той целью, чтобы показать взаимозависимость и взаимодополняющее единство государства и общества. О государстве сказано, что оно не абсолютно в правлении, оно — «совершенный союз свободных людей, заключённый ради соблюдения права и общей пользы», и в этом смысле «власть гражданская господствует в государстве»¹.

Постижение сущности понятия «гражданское общество» продолжалось в трудах Ф. Бэкона, Дж. Локка, Т. Гоббса, Т. Пейна, Д. Юма, Б. Спинозы, Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Фихте и других мыслителей.

На смену идеалистам в конце XVIII – начале XIX вв. приходят *рационалисты* в лице А. Смита, Ф.П.Е. Гизо, Ф.О.М. Минье, О. Тьерри, В.К. Гумбольда, И. Канта, Г. Гегеля, К. Маркса, Энгельса и др. Они переводят теоретические дискуссии о сущности гражданского общества в разговор о существующей социальной реальности, в которой нельзя не заметить, что реальное содержание понятий «государство» и «общество» не совпадают. Г. Гегель (1770–1831) впервые сформулировал тезис об их различии. Некоторые исследователи считают, что он не просто разграничил понятия, а противопоставил государство и гражданское общество друг другу.

Карл Маркс (1818–1883) выступил с критикой гегелевской «Философии права». Он писал: «Что же касается теперешних кооперативных

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. — М.: Науч. — изд. центр Ладомир, 1994. — С. 74, 127.

товариществ, то они ценны лишь постольку, поскольку они созданы самостоятельно самими рабочими и не пользуются покровительством ни правительства, ни буржуазии»¹. И далее: «свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган этому обществу всецело подчиненный, да и в наше время большая или меньшая свобода государственных форм определяется тем, в какой мере они ограничивают «свободу государства»². Маркс подчеркивал, что «государство нуждается в очень суровом воспитании со стороны народа»³.

Обобщая все вышесказанное, канадский политический философ Чарльз Тейлор⁴ выделил две основные традиции понимания гражданского общества. Л-традиция, восходящая к Джону Локку и названная так по первой букве его фамилии, рассматривает гражданское общество как некое этическое сообщество, живущее по естественным законам до и вне политики. К Л-традиции Тейлор отнес, кроме Локка, многих других авторов англо-американской либеральной мысли. Сюда попали такие теоретики, как Адам Фергюсон — автор первого специального исследования «Опыт истории гражданского общества» (1767), Адам Смит — автор фундаментальной «Теории нравственных чувств» (1759), заложившей основы более позднего и лучше нам известного исследования «О богатстве народов», радикальный мыслитель американской революции Томас Пейн с его теорией минимального государства и другие. Центральный компонент Л-традиции составляет не представление о «гражданском обществе», поскольку, следуя концептуальному аппарату своей эпохи, Локк чаще всего употреблял это понятие как синоним терминов «политическое общество» или «государство».

Для Л-традиции важна концепция естественного состояния, в которой уже заложены все основные черты той совокупности разнообразнейших форм жизни, которую более поздние англо-американские теоретики будут

¹ Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Полн. Собр. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: Т. 19. — С. 26

² Там же.

³ Там же. — С. 30.

⁴ **Тейлор Чарльз Маргрейв** (1931 г.р.) — канадский философ, автор работ по политической и социальной философии, истории философии известен также своими исследованиями современной личности: «Истоки себя», «Мультикультурализм и «Политика признания», «Этика аутентичности», «Секулярная эпоха». Профессор университета Мак-Гилла (Канада), почетный доктор Оксфордского университета, член Королевского общества Канады и Британской академии, вице-президент Института наук о человеке (Вена) в 1996 г. был награжден Орденом Канады степени «Компанион» — наивысшее гражданское отличие страны. В 2007 г. стал лауреатом престижной премии фонда Темплтона — за прогресс в исследованиях и открытиях в сфере духовных реалий. В 2008-м — за значительный вклад в научное, культурное и духовное усовершенствование человечества был удостоен Киотской премии (японский аналог Нобелевской премии).

называть «гражданским обществом». Вводя несколько позже термин «civil society» в его нынешнем понимании, Фергюсон и Смит тоже исходили из локковского видения мирной и разнообразной дополитической жизни сообщества.

Во-первых, они противопоставили гражданское общество военному как общество мирное, действующее гражданскими, а не военными методами и отдающее предпочтение при реализации своих целей мирной торговле перед вооружённым захватом.

Во-вторых, их гражданское общество противостояло обществу варваров, не знающих утончённых манер и не ведающих о промышленных и культурных достижениях цивилизации. Гражданское общество в этом смысле — это общество, вкусившее всех плодов цивилизации. Диктат этики, гражданские, а не военные методы разрешения немногочисленных споров, совместная гордость успехами сообщества связывают людей, придерживающихся цивилизованных законов в своей насыщенной жизни вне политической сферы. Как производное от людских потребностей и забот минимальное государство появляется только тогда, когда гражданское общество вызывает его к жизни.

М-традиция, берущая свое имя от Шарля Монтескье, представляет гражданское общество как набор независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством и в случае необходимости защищающих свободу индивида от посягательств власти. Исходный пункт М-традиции — наличие сильного централизованного государства, от которого надо защищаться. Шарль Монтескье, Бенжамен Констан и Алексис де Токвиль сосредоточивали внимание на проблеме защиты политической свободы от угрозы деспотического вмешательства государства в жизнь индивидов или групп населения. Функции защиты индивида могут взять на себя ассоциации граждан, которые должны стать своего рода школой свободы, где граждане приобщались бы к нравам республиканской добродетели, необходимым для сохранения свободы от того, что Токвиль, живший в конце XVIII – начале XIX века, называл угрозой «демократического деспотизма».

Монтескье писал о традиционных привилегиях дворянства и духовенства, независимости судов, вольностях городов, гильдий и корпораций как об опосредующих властях, сдерживавших деспотизм европейских абсолютных монархий. Отправление правосудия, сбор налогов, даже формирование армии бывали часто отданы на откуп влиятельным аристократическим семействам, провинциальным ассамблеям и парламентам, городским корпорациям и муниципалитетам. Корона вынужденно передавала часть своих полномочий этим опосредующим властям; она не могла назначать их членов, которые вследствие своей независимости и вековых привилегий могли противостоять деспотизму власти и защищать индивида от её посягательств.

Токвиль, живший уже после революционного устранения всех этих опосредующих корпоративных институтов, остро чувствовал угрозу свободе индивида со стороны мощного централизованного государства. Он развил теорию Монтескье, предположив, что функции защиты индивида, то есть роль старых «промежуточных тел», смогут взять на себя новые ассоциации граждан. Они должны были стать своего рода школой свободы, где граждане приобщались бы к нравам республиканской добродетели, необходимым для сохранения свободы от того, что он для него было угрозой «демократического деспотизма».

Несмотря на ряд различий между английской, французской и немецкой идеями гражданского общества, соответствующие понятия относятся к единой западной концепции гражданского общества. Основные конститутивные элементы или институты гражданского общества — свободные ассоциации граждан (горожан), экономический рынок и публичная сфера. Но концептуальное единство обеспечивается не столько формальным совпадением структур, сколько тем, что западное гражданское общество сформировалось как общая для многих стран традиция или форма общественной жизни — как историческая конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов). Именно на этом общем фоне английская, французская и немецкая политические теории последних двух столетий артикулировали идею гражданского общества. И именно благодаря тому, что новые формы жизни и мышления превратились в устойчивую традицию, о гражданском обществе на Западе постепенно забыли.

Российские версии «гражданского общества»

Понятия «гражданское общество» и «общественность» были для России XVIII века во многом новыми и непривычными. Формально гражданское общество как союз всех членов общества, соединившихся на основе общих чувств и для взаимной помощи, впервые определила Екатерина II. «Человеколюбие есть основание общества», — утверждала императрица. Сегодня такое определение кажется малозначимым и упрощённым, но два столетия назад оно вводило в оборот совершенно новую доктрину, которая обосновывала социальную целостность, моральное единство и взаимосвязь людей, живших в ту пору в совершенно различных укладах и едва ли сознававших себя единым обществом. В обществе, писала Екатерина II, «многие семейства, соединившись вместе, живут под одною державою и под одинаковыми законами совокупно. Таковые союзы или общества называются гражданскими, иначе же называются народами».

Понятно, что слово «народ» используется здесь как эквивалент западноевропейского понятия «nation». Кроме того, в тексте понятия

«отечество», «общество» и «государство» используются как равнозначные и взаимозаменяемые, что, в общем, соответствует стилю употребления этих понятий в текстах многих политических философов XVII века — в частности, теоретика естественного права Самуэля Пуфендорфа, из почти одной-единственной работы которого Екатерина II позаимствовала многие положения для своего учебного пособия.

Однако попытка ввести понятие гражданского общества «высочайшим повелением» имела весьма ограниченный успех, была чисто теоретической, не подкреплённой соответствующими изменениями в практике повседневной жизни, на фоне которой термин мог бы приобрести устойчивый смысл. Позднее такие изменения пережило иное понятие — «общественность», введённое «частными лицами» — Карамзиным и Радищевым — для описания конкретного социального опыта. Но и понятие «общественность», появившись в конце XVIII века, было затем забыто до 40-х годов следующего столетия. Важным исключением стал перевод Иваном Тимковским в 1817 году книги шотландского философа Адама Фергюсона «Опыт истории гражданского общества», где термином «общественность» переводилось понятие «public spirit» (в карамзинском значении — «дух общности»).

«Общественность» вновь появляется в словаре литературных критиков и публицистов 40-х годов ~~прошлого~~ ^{ХІХ} века. Это понятие встречается в работах Белинского, Герцена, Огарёва и других, где отражает идею социальной солидарности, специфического качества, формирующегося у людей, которые живут в обществе. При этом идеи социальности (общественности) и государственной службы противопоставлялись друг другу.

Тогда же постепенно утвердилось и второе значение понятия — как определённого слоя или группы людей, объединённых общей деятельностью, позицией или мнением. Это объясняется профессионализацией литературно-критической деятельности, формированием институтов общественного мнения и, соответственно, появлением новой публики, стремившейся утвердиться в качестве источника и образца новых ценностей и вкусов, — процессом, который позднее иногда называли появлением разночинской демократической интеллигенции. Новая пишущая и читающая публика часто противопоставляла общественность обществу, желая отделить себя от светского (аристократического) салонного общества. Общественностью называли «прогрессивную» часть общества, состоявшую из людей, ценивших идеи и дела (гражданские поступки), в то время как «обществом» пренебрежительно называли высший свет, ориентированный исключительно на эстетизированное поведение и изысканные манеры («хорошее общество»).

Такое употребление понятия «общественность» сделало его в определённом смысле уникальным. Термин, прежде обозначавший абстрактное качество («социальность»), теперь стали применять для

самоидентификации группы людей, коллективного субъекта или социального агента, причём с явным акцентом на позитивные качества прогрессивности, гражданственности и интеллектуализма. Действительно, едва ли какое другое абстрактное существительное русского языка, кроме, возможно, слова «личность», имеет такую историю перехода от обозначения качества к обозначению субъекта. Если значение слова «общество» менялось от конкретного социального собрания к абстрактному набору правил и институтов, объединявших всё население, то смысл термина «общественность» эволюционировал в обратном направлении — от абстрактного качества «социальности» к конкретному воплощению этого качества в определённой группе людей и их способе жизни.

Понятие «общественность» становилось всё популярнее в связи с двумя новыми процессами, сопровождавшими александровские реформы 1860-х годов. Первый — развитие независимой коммерческой прессы, особенно ежедневных газет с массовым тиражом. Распространение практики их чтения сформировало сферу публичной информации и дискуссии, объединившую образованные слои общества и поддерживавшую принадлежность к некоторому воображаемому сообществу, читающей и дискутирующей публике, «поверх» многочисленных сословных разграничений. «Общественность» стали прочно ассоциировать с общественным мнением, с критически настроенной пишущей и читающей публикой. В свою очередь, сферу общественного мнения воспринимали как самостоятельную силу и часто открыто противопоставляли государственной (официальной) точке зрения. Герценовский «Колокол» постоянно апеллировал к общественному мнению и одновременно воспроизводил его как новый политический институт. Либеральный историк рубежа веков Василий Ма-^{Т XIX-XX}клаков озаглавил свои мемуары, описывавшие эту пору, «Власть и общественность на закате старой России». Этим названием он давал представление о двух конкурировавших источниках власти — государственной власти и авторитете гражданского общества. Таким образом, в российском контексте первым реальным элементом гражданского общества стала общественность как сфера открытых публичных дебатов и общественного мнения — в том важном значении, какое придал термину «Oeffentlichkeit» (или «public sphere») немецкий социальный теоретик Юрген Хабермас. Этот аспект общественности устойчиво развивался в России вплоть до 1917 года.

Второй компонент рассматриваемого нами процесса был связан с практикой местного самоуправления. Земская реформа 1864 года положила начало формированию земств, сфера деятельности которых охватывала вопросы местного хозяйства и финансов, торговлю и промышленность, образование, строительство, судебное производство, поддержание общественного порядка и медицинскую помощь населению. Земцев тоже называли общественностью. Институт, созданный, чтобы

сбалансировать последствия крестьянской реформы 1861 года, которая освободила крестьян от крепостной зависимости, а помещиков — от ответственности за их жизнь и благополучие, был в значительной степени не зависим от центрального правительства и способствовал развитию навыков территориального управления и участия в общественной жизни. К тому же земства были неполитическим институтом; им было запрещено участвовать в государственной политике, хотя именно они вырастили много думских политических деятелей. Благодаря деятельности земств общественность начала ассоциировать с самоуправлением. Земства накопили опыт независимой организации социальной жизни — второго ключевого элемента и практики гражданского общества. Это движение постоянно развивалось в течение более 30 лет и в 1903–1904 годах выросло в политическую силу, вступившую в борьбу за конституционные реформы.

Итак, к началу XX века «общественность», бывшая для Карамзина лингвистической возможностью помыслить некое качественное состояние социума, получила практическое содержание. Её стали связывать с носителями критического общественного мнения и группами людей, выполнявших общественные обязанности или работавших на общие интересы (*res publica*, по-русски «дело общественное») за пределами или помимо сферы государственных служебных обязанностей. Так же, как бюрократию можно рассматривать как персонификацию государства, «общественность» воплощала в себе идею общества.

Что касается советского периода, то хотя общество не только не было полностью огосударствлено, но и выработало самостоятельные типы солидарности, противостоявшие государству, однако вписать отношения между обществом и государством в СССР в классические теории гражданского общества трудно. Есть основания полагать, что мы имели дело не с зачаточным гражданским обществом, которое по мере ослабления государства должно было бы развиваться и укрепиться, а с чем-то иным, трудно укладываемым в политологические концепции.

Речь идёт о дружеских сетях, существовавших прежде на «оборотной» стороне советского общества, и ставших ныне явной частью постсоветского бизнеса и клановой политики. Сети патронажно-клиентских отношений наиболее важны для формирования политических квазикланов и бизнес-связей; однако ядра некоторых политических и экономических группировок составляют трансформированные и до определённой степени институционализированные бывшие «сети друзей».

Второй жизнью идея гражданского общества, как известно, обязана восточноевропейским и советским «новым левым». Этот забытый термин был превращён в символ оппозиционного политического мышления и действия, в лозунг, который был способен объединить практически любые «антитоталитарные» движения. Западные учёные ответили на это

новое явление многочисленными работами на тему гражданского общества, целью которых было, помимо прочего, подвести теоретическую базу под восточноевропейский энтузиазм. Ирония истории заключалась, однако, в том, что по мере продвижения «антитоталитарных» реформ в странах Восточной Европы, и особенно в России, разрыв между возрождённой концепцией гражданского общества и реальностью, которую этот термин призван был представлять, становился всё более и более явным. А потому попытки спроецировать концепцию гражданского общества на политическую реальность бывшего советского блока в надежде найти элементы, аналогичные западному «оригиналу», неизбежно приводили к разочарованию.

Но практика показала, что представление теоретиков М-традиции о гражданском обществе как наборе независимых ассоциаций, опосредующих отношения между индивидом и государством, оказалось гораздо ближе к российским дебатам о гражданском обществе, чем Л-традиция. Вульгарный суррогат М-традиции, который приобрёл в России повсеместное хождение, провозглашает, что «густая сеть гражданских ассоциаций» содействует стабильности и эффективности демократической формы правления — как путём влияния объединений на «душевный склад» граждан, так и посредством способности ассоциаций призывать граждан под знамена общественных деяний.

Не вдаваясь в неясность различения гражданских, политических и иных негосударственных, неправительственных структур, можно уверенно сказать, что «третий сектор» и демократия в России находятся в очень непростых отношениях. В России на сегодняшний день полным полно НГО и НПО, но то, что в России нет гражданского общества, это настолько очевидно, что даже спорить с этим никто не хочет. Не успев стать нормальным противовесом государству, некоторые российские НГО уже активно вписались в систему управления, становясь неким инструментом власти, с помощью которого власть решает некоторые свои задачи. Последнее время у меня возникают всё большие подозрения, что значительная часть всех этих спортивных клубов, хоровых обществ, кооперативов и культурных ассоциаций организованы самой властью для своих целей. Более того, осмелюсь сказать, что некоторые из этих структур *гражданского общества* выступают не против авторитаризма, а против демократии. Поэтому, мне кажется, надо бы вновь вернуться к вопросу том, что есть в России власть, и что есть гражданское общество.

В социально-психологическом отношении российское общество всё ещё пребывает, так сказать, в «разобранном состоянии», которое вообще не способно пока служить фундаментом чего-либо. И в такой ситуации инициатива, необходимая для углубления и закрепления демократических реформ, не может исходить «снизу», со стороны масс и институтов гражданского общества. Гражданскому обществу не хватает консолидированности

для обеспечения такого вектора развития. В связи с этим сохраняется, а в некоторых отношениях даже усиливается «верхушечный» характер выработки курса политических сил, пребывающих у власти. Основными агентами общественных преобразований в России и их гарантами оказываются (или, если угодно, остаются) элитные группы и представители власти, но не гражданское общество. Ясно, однако, что в подобной ситуации перспективы преобразований зависят от множества случайностей. Политические события последних лет показали, сколь неустойчивым остается процесс демократической трансформации в стране и сколь опасно велика в нём роль отдельной личности. Ясно и то, что власть в таких условиях не только оказывается главным «мотором» реформирования общества, но и получает широкие возможности определять характер осуществляемых перемен в своих интересах. Таким образом, модернизация и демократизация российского общества обретают черты авторитарности.

Свойственное российской ментальности понимание свободы весьма специфично. Оно несёт на себе отпечаток правового нигилизма и, как справедливо отмечал в своё время Н. Бердяев, пронизано тягой к анархии. В этих условиях неформальная активность самодеятельных граждан зачастую усиливает элементы хаоса в общественном развитии сегодняшней России, оборачивается злоупотреблением автономией, нарушением баланса интересов общества в целом и усилением в нём центробежных, конфронтационных тенденций.

Всё это привело к тому, что сегодня в России существует три варианта развития общества. Один из них можно обозначить понятием «*вестернизационный проект*», другой — «*модернизационный проект*», третий «*фундаменталистский* (или, в других терминах, «*архаический*») проект».

Вестернизационный проект связан с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта.

Сторонники модернизационного проекта считают, что «западный проект мироустройства» сталкивается в России с неразрешимыми трудностями и должен быть заменён схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней

уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. и т.п.

Наконец, «фундаменталистский проект» ориентируется на принципиальный и высокомерный отказ от ценностей западного мира, опирается на идеи «возврата к истокам», «припадания к глубинным основам народной мудрости» и т.д.

е.1
Всё это говорит о том, что процессы политической и экономической либерализации в России создали некоторые условия для пробуждения гражданской активности. Однако взрыв социальной энергии мог бы трансформироваться в относительно устойчивые поведенческие ориентации только при одном условии: если бы общественное сознание освоило знания и представления, нормы и ценности, стимулирующие и легитимирующие общественную активность людей. Этого не произошло. Особенно мощное препятствие на пути развития в России гражданского общества — отсутствие демократической традиции в национальной политической культуре.

Вместо этого мы имеем мессианские и цивилизационные притязания на особую роль в современном мире, резко отрицательное отношение к идее «прав человека». Эти черты менталитета сформировались в эпоху царизма и крепостного права, а затем были усилены тоталитарной системой. Тем не менее, неправильно считать, будто русские умонастроения последовательно антилиберальны и антидемократичны. Россия XXI века — индустриальное, урбанизированное общество. Как и любое общество такого типа, оно неоднородно в культурном отношении.

Разве не говорит это о том, что рано ставить точку в процессе становления гражданского общества в России?

Список литературы

Charles Taylor. A Secular Age. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press. - 2007.

Charles Taylor. Pattern of Politics. Toronto, 1970;

Charles Taylor. Hegel and Modern Society. Cambridge, 1979;

Charles Taylor. Social Theory as Practice. Oxford, 1983;

Волков В. Общественность: забытая практика гражданского общества.

Журнал "Pro et Contra". Том 2, 1997 год, № 4.

http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_05.htm

Леденева А. Неформальная сфера и блат: гражданское общество или (пост)советская корпоративность? "Pro et Contra", 1997, т. 2, # 4.